

Юань Му отпил еще чашку чая и поднялся, собираясь уходить. Ван Чжэнь неожиданно произнес:

— Господин Юань, заберите с собой и ту банку чая Билочунь.

Юань Му обернулся и с удивлением посмотрел на него.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Я ведь с самого начала вез её для вас.

Юань Му долго смотрел на Ван Чжэня, а затем беспомощно ухмыльнулся:

— Говорят, сытный обед — это последняя трапеза перед казнью. С чего бы это Ван Цюань принес эту банку отборного чая Билочунь, неужто хотел проводить меня в последний путь?

— С чего господин Юань так решил? — удивленно спросил Ван Чжэнь.

Юань Му долго разглядывал его, а затем ни то смеясь, ни то плача вымолвил:

— Ван Цзыфэн, молчи уж! Увидимся в следующем месяце в Шэнцзине!

Забрав банку чая Билочунь, Юань Му покинул постоянный двор и вернулся в управу Ючжоу, где тут же с досадой забросил чай на самое дно сундука.

— С глаз долой — из сердца вон! Ну и ну, Ван Цзыфэн, даже сейчас ты не соизволил сказать мне правду. Прекрасно знаешь, что я ни при чем, а все равно притворяешься! Неудивительно, что во Дворце Циньчжэн ты кажешься мне самым несносным!

Пожинав, Юань Му долго лежал на кровати, размышляя, а затем все же достал банку чая Билочунь обратно.

«Нельзя давать этому Ван Цзыфэну повод для торжества, чай-то ведь отличный».

Сколько бы коварства ни было в душе Ван Цзыфэна, привезенный им чай Билочунь ни в чем не виноват, и переводить его впустую не стоит.

Тем временем Тан Шэнь закончил писать письмо. Он нисколько не опасался, что его послание перехватят: у него имелся жетон, лично пожалованный Чжао Фу. Если бы даже в таких условиях письмо кто-то перехватил, ему следовало бы переживать уже за безопасность самого гонца.

Наступила ночь. Тан Шэнь уже собирался отойти ко сну, когда чиновник постоянного двора постучал в дверь и сообщил, что к нему пришел посетитель.

Тан Шэнь немного удивился. Одевшись, он увидел, как в комнату с улицы входит молодой человек в черных шелковых одеждах. На мгновение замаявшись, Тан Шэнь сделал шаг вперед и произнес:

— Приветствую вас, Су Вэньюнь. Чем обязан вашему визиту столь поздней ночью, Су Вэньюнь?

Пришедшим был не кто иной, как Су Вэньюнь.

Тан Шэнь никогда раньше не видел Су Вэньюня в черных одеждах — по правде говоря, он

вообще впервые видел его не в чиновничьем платье. Стоило признать: если Ван Цзыфэн походил на сошедшего с небес небожителя, утонченного и возвышенного, заставлявшего остальных меркнуть на его фоне, то Су Вэньюнь был подобен острому кинжалу. Ножны скрывали лезвие, не просто разящее, но и пропитанное ядом. Он был красив, однако его облик дышал такой агрессией, что проникнуться к нему симпатией казалось почти невозможным.

Су Вэньюнь сразу перешел к делу:

— Господин Тан сегодня видел тех людей в тюрьме Цычжоу. Появились ли у вас какие-либо мысли?

Тан Шэнь ненадолго замолчал:

— Что Су Вэньюнь имеет в виду?

Су Вэньюнь усмехнулся:

— Вы и вправду думаете, что это лишь стихийное бедствие?

Тан Шэнь молча разглядывал в свете свечи невероятно яркое лицо Су Вэньюня.

В седьмом месяце Чжао Фу направил троих доверенных лиц в Ючжоу, Цычжоу и Нинчжоу.

В восьмом месяце обрушился Мост через реку Цзинхэ, и Его Величество пришел в ярость. Инспекционная группа отправилась в Цычжоу, и Чжао Фу без всяких видимых причин включил в ее состав его, Тан Шэня.

Так вот... в чем дело!

Внезапно Тан Шэнь тоже улыбнулся. Пазл в его голове сложился, но чувства на душе были крайне противоречивыми: ему казалось это и досадным, и смешным.

Тан Шэнь рассмеялся так неожиданно и не сразу ответил на слова Су Вэньюня, но тот поначалу даже не заметил его странного поведения. В полумраке комнаты Тан Шэнь тихо улыбался, и Су Вэньюнь на мгновение замер, забыв, что хотел сказать.

Тан Шэнь вспомнил тот день в паланкине, когда Ван Цзыфэн взял его за руку и произнес:

«Не слушай и не спрашивай».

...Не слушать и не спрашивать — так действительно можно уберечь себя.

Вот только можно лишь уберечь себя, и не более.

Тан Шэнь изобразил на лице недоумение и, помедлив, ответил:

— Подчиненный... право, не понимает, что имеет в виду Су Вэньюнь!

Стояла непроглядная ночь, и на постоялом дворе слышались лишь свист ветра да непрерывный шум дождя.

Су Вэньюнь пришел к Тан Шэню ночью, облаченный в черное, нанеся частный визит. Внезапно снаружи раздался звон разбитого фарфора. Су Вэньюнь вздрогнул, тихо подошел к окну и приоткрыл створку: в противоположной комнате один из чиновников случайно уронил на пол

тарелку.

Прикрыв окно, Су Вэньюнь вернулся вглубь комнаты и спросил:

— Вы действительно считаете, господин Тан, что это стихийное бедствие?

Тан Шэнь изобразил глубокое замешательство и, подумав немного, серьезно произнес:

— По правде говоря, если бы дело было только в стихии, Его Величество не стал бы специально посылать в Цычжоу инспекционную группу. Мы прибыли в Цычжоу именно для того, чтобы выяснить, не кроется ли за природной катастрофой рукотворный злой умысел. Однако я не понимаю, какова цель вашего визита ко мне этой ночью, Су Вэньюнь?

— Чиновник, ведущий записи о жизни и делах императора, обычно не покидает дворец.

Тан Шэнь промолчал, ничего не ответив.

Су Вэньюнь пристально посмотрел на него и усмехнулся:

— Так зачем же господин Тан прибыл в Цычжоу на этот раз?

Тан Шэнь не мог ответить.

Мало того что Чжао Фу четко не объяснил ему причину поездки в Цычжоу, так даже если бы государь поделился этим с ним с глазу на глаз, он ни за что не стал бы открываться Су Вэньюню.

И эта молчаливая реакция Тан Шэня в глазах Су Вэньюня уже сказала обо всем.

Су Вэньюнь холодно усмехнулся:

— Неужели Его Величество подозревает меня?

Тан Шэнь тут же возразил:

— Подчиненный не понимает, о чем говорит Су Вэньюнь.

Су Вэньюнь вьедливо всмотрелся в Тан Шэня, а затем резким взмахом рукава повернулся и ушел, бросив напоследок фразу, глухо эхом отдавшуюся от пола комнаты:

— Тан Шэнь, обрушение Моста через реку Цзинхэ на этот раз — не просто стихия, но и дело рук человеческих! Веришь ты или нет, я к этому непричастен, но, как и ты, хочу докопаться до правды.

— Су Вэньюнь...

Но Су Вэньюнь уже скрылся из виду.

Тан Шэнь достал из-за пазухи серебряный жетон, прищурился, а затем снова убрал его на грудь.

Спустя четыре дня инспектор Цзи Чжи вместе с чиновниками вернулся в Цычжоу. Он прибыл в управу губернатора Цычжоу, куда съехались и остальные чиновники. Окинув взглядом собравшихся, Цзи Чжи произнес:

— Господа, ваш покорный слуга всего лишь инспектирующий цензор шестого ранга, и среди присутствующих мой чин, пожалуй, самый низкий. Однако я обязан напомнить: перед отъездом в Цычжоу я удостоился высочайшего назначения от Его Величества и выступаю в роли инспектора Цычжоу. Если мои действия покажутся кому-то проявлением непочтительности к старшим по чину, прошу великодушно простить и не таить обиды.

Цензоры из Цензората всегда отличались высоким мнением о себе и не считались с чинами, однако никогда не подчеркивали это так открыто.

Слова Цзи Чжи вызвали в зале легкий шепот. Тан Шэнь тоже поднял взгляд на него.

Цзи Чжи продолжал:

— Буду считать, что господа согласны. Заносите!

По его знаку двое стражников втащили бамбуковую корзину величиной с чан для воды. С виду самая обычная корзина, а внутри лежало несколько обломков крупных камней.

Чиновники в недоумении стали перешептываться, спрашивая у Цзи Чжи, к чему всё это.

Однако сказанные им далее слова прозвучали словно гром среди ясного неба, погрузив управу Цычжоу в гробовое молчание:

— Вот главный виновник обрушения Моста через реку Цзинхэ!

Река Цзинхэ была самой широкой и бурной рекой на севере Великой Сун, но на севере вообще мало рек, так что первенство ей досталось лишь за неимением лучших. Построить мост через реку Цзинхэ было задачей непростой, но вполне выполнимой, и мастера Великой Сун были способны справиться с нею.

Этим летом погода выдалась аномальной: на севере шли обильные дожди, отчего река стала еще полноводнее, и ливни снесли еще не достроенный мост. Но Чжао Фу сомневался — сомневался, что причиной всему было лишь стихийное бедствие. И в то же время чиновники в далеком Шэнцзине задавались вопросом: правда ли один лишь проливной дождь мог унести почти сотню жизней?

И потому прибыл Цзи Чжи. Он оправдал ожидания и на почти полностью разрушенных остатках моста отыскал эти обломки.

Подойдя к бамбуковой корзине, Цзи Чжи указал на камни:

— Полагаю, господину Сэ Чэну, как правому заместителю министра Приказа общественных работ, хорошо известно, что это такое. Совершенно верно, это камни, использовавшиеся для закладывания фундамента моста. Мост через реку Цзинхэ с юга на север насчитывает свыше пятисот двенадцати чжанов. В прошлые годы река Цзинхэ не отличалась бурным нравом, и при возведении основания Приказ общественных работ установил глубину в десять чжанов. Я ведь прав?

Сэ Чэн становился все мрачнее — он явно понимал, к чему клонит Цзи Чжи.

Цзи Чжи спросил:

— Господин Сэ Чэн, как по-вашему, есть ли в этих фундаментных камнях десять чжанов

высоты?

Сэ Чэн в гневе обернулся:

— Кто отвечал за возведение фундамента? Доставить сюда всех чиновников и мастеров, руководивших этой работой!

После его приказа стражники поспешно покинули управу и отправились в тюрьму Цычжоу за людьми. Спустя четверть часа двое стражников впопыхах прибежали обратно; один из них с размаху рухнул на колени и, бледный как смерть, закричал:

— Господин, пощадите! Пощадите, господин! Пять дней назад, когда инспекционная группа прибыла в Цычжоу и допросила чиновников и мастеров, несколько из них из страха перед наказанием покончили с собой!

В толпе поднялся невероятный шум.

<http://bllate.org/book/18292/1754546>